

русско-французских отношений. Если по немецким и голландским землям государь впервые проехал ещё в конце XVII в., то на территорию Французского государства он вступил впервые. Долгое время визиту царя препятствовала напряжённая политическая обстановка, когда два государства оказались на разных полюсах европейской дипломатии: Франция находилась в союзе со Швецией и Османской империей и противостояла Габсбургам. После смерти Людовика XIV (1715) в русско-французских отношениях наметилось потепление. Правительство регента Филиппа Орлеанского было готово не только обсудить возможности заключения русско-французского договора, но и принять Петра I со свитой во французской столице³.

В ряду ярких исследований последних лет рецензируемая монография выделяется аналитическим обзором историографии. Едва ли хотя бы одна значительная работа по истории заграничного путешествия царя была оставлена автором без внимания. Здесь С.А. Мезин пребывает в своей стихии — ещё в 1999 г. увидела свет его работа, касающаяся зарождения и развития петровской темы во французской общественной и исторической мысли XVIII в.⁴ Её основные положения отражены и развиты в рецензируемой работе. Согласно выводу Мезина, именно французские авторы XVIII в. начали историческое изучение визита русского царя во Францию, стараниями которых «Пётр I стал героем века Просвещения» (с. 21). Для русской историографии в целом было характерно некоторое преувеличение значения визита царя для развития русско-французских связей. Автор также констатировал, что русская и французская традиции изучения заграничного путешествия Петра I развивались параллельно и преимущественно на национальных источниковых базах (с. 31).

С.А. Мезин справедливо заметил, что «основные источники, освещающие пребывание Петра I во Франции, давно выявлены», и поставил перед собой задачу их критической оценки и комплексного изучения (с. 32). Внимательное сопоставление и анализ содержания текстов дневников и мемуаров позволило ему сделать вывод, что французские и русские историки XIX–XX вв. допускали одинаковые ошибки, нередко принимая литературный, апокрифический текст за свидетельство современника.

Автор решительно оспорил стереотипные оценки введённых в широкий научный оборот исследователями XIX в. источников по истории заграничного путешествия царя. Мезин показал, что имеющие отношение к поездке царя во Францию анекдоты, записанные И.И. Голицыным со слов дипломата И.И. Неплюева, а также рассказы А.А. Нартова о Петре Великом,

основывались не на личных воспоминаниях или устных сведениях, а на книжных источниках (с. 34–35). Несколько поколений историков обращались к «Журналу ежедневного пребывания в Париже государя императора Петра Алексеевича» как к свидетельству современника⁵. Мезин установил, что «Журнал» представляет собой список опубликованной в 1771 г. и ставшей библиографической редкостью анонимной брошюры «Путешествие Его Величества в Париж» (с. 18–19). Более того, дальнейшее исследование привело автора к выводу о необходимости и вовсе исключить «Журнал» из числа достоверных источников (с. 210).

Рецензируемая монография состоит из небольших глав, в названиях которых органично включены цитаты из исторических источников. Своеобразным хронологическим стержнем работы стала реконструированная автором подневная хроника пребывания царя во Франции (с 10(21) апреля по 13(24) июня 1717 г.). Это, безусловно, не первая попытка в отечественной, да и во французской историографии. Например, в 1908 г. последовательность событий по материалам французской прессы восстановил Э.Д. Гишан⁶. Сам автор отметил работы Б.Н. Лосского, а также Д.Ю. и И.Д. Гузевичей (с. 60). Главное отличие от предыдущих опытов состоит в том, что каждый внесённый Мезиным в хронику факт подкреплён ссылкой на опубликованный или архивный источник.

Как справедливо заметил автор рецензируемой монографии, в первой четверти XVIII в. процесс русско-французского сближения шёл по политической и культурной линиям, однако «культурное взаимодействие было более успешным» (с. 51). Именно на культурной составляющей визита Петра I во Францию Мезин и сконцентрировал своё внимание. За исключением главы «“Истинная дружба и корреспонденция”: Парижская дипломатия Петра I», раскрывающей ход русско-французских переговоров, остальные разделы монографии посвящены официальным приёмам и личным контактам государя, его быту и повседневной жизни в Париже, знакомству с французской наукой и искусством. Подобный принцип построения монографии, с одной стороны, позволил сосредоточиться на отдельных проблемах, с другой — привел к неизбежным повторам.

Особое внимание автор уделил анализу визита царя во французскую столицу. В начале XVIII в. Париж был самым большим городом Франции и одним из самых значительных в Европе. Однако указанная С.А. Мезиным численность населения — 700 тыс. человек — по-видимому, значительно преувеличена. В литературе встречаются более скромные цифры — около 300–400 тыс. человек⁷.

После протокольных визитов регента Филиппа Орлеанского (27 апреля) и короля Людовика XV (29 апреля) царь начал осмотр основных достопримечательностей столицы. Он поднялся на башню собора Нотр-Дам, побывал в Лувре, Тюильри, Пале-Рояле, Люксембургском дворце и Доме Инвалидов. Париж произвёл на государя двойственное впечатление. Французская столица эпохи Регентства во многом сохранила средневековый облик, в том числе кривые и узкие улицы, наполненные пылью и неприятным запахом. Однако город уже начал перестраиваться, разворачиваясь лицом к реке. Царю imponировали регулярные кварталы с каменными домами барочной архитектуры и прямыми улицами, которые вели к украшенным скульптурой площадям (с. 139). Мезин справедливо заметил, что сложно говорить о прямом влиянии парижских архитектурных впечатлений на развитие Санкт-Петербурга (с. 140). Тем не менее основные градостроительные тенденции Нового времени нашли отражение в планировке российской столицы и других петровских городов.

В Париже, как и в других европейских столицах, царь уделил время посещению научных центров, встречам и беседам с учёными, исследованию художественных и естественнонаучных коллекций, а также собраний инструментов. Значительное место в монографии отведено визиту царя в Королевскую академию наук (8 июня 1717 г.), где русскому монарху продемонстрировали машину для подъёма воды, новую конструкцию домкрата, химические опыты, рисунки и чертежи. В связи с этим автор счёл необходимым поднять вопрос об избрании царя членом академии. С.А. Мезин подробно разобрал основные интерпретации данного факта, начиная с трудов Б. де Фонтенеля и Вольтера (с. 205–206). Во второй половине прошлого века версии об избрании царя академиком 8(19) июня и об отказе его от этого звания на следующий день придерживался видный специалист по истории науки Е.А. Княжецкая⁸.

По мнению Мезина, укоренившаяся с XIX в. в научной литературе версия об избрании царя академиком в июне 1717 г. ошибочна: она основана на данных вышеупомянутого «Журнала ежедневного пребывания в Париже...». Мезин подчеркнул, что избрание Петра I в члены Парижской академии состоялось только через полгода — 22 декабря 1717 г. Такую же дату указала и Ю.Х. Копелевич. Мезин убедительно опроверг и версию о том, что на заседании 19 июня царь подарил Академии карту Каспийского моря, «совсем иного вида, нежели прежние карты географами об оном изданные»⁹. В действительности её прислали из России в Париж только в 1721 г. (с. 208).

Значение визита царя в Парижскую академию часто трактуется как начало русско-французских научных связей¹⁰. Однако тезис Мезина о том, что «большинство личных встреч царя с французскими учёными имели продолжение в русско-французских научных связях» (с. 211), не подкреплён фактами. Известно, что из учёных «с именем» приглашение царя прибыть в Санкт-Петербург принял лишь астроном Ж.-Н. Делиль (1688–1768), деятельность которого в России сегодня оценивают неоднозначно. С одной стороны, Делиль способствовал развитию научной астрономии, с другой — с помощью прикомандированных к нему геодезистов скопировал сотни листов картографических и географических материалов и вывез их во Францию¹¹.

Спорным представляется и сделанный в конце главы вывод: «Едва ли не главным последствием научных контактов царя в Париже» стало основание Академии наук в Санкт-Петербурге (с. 211). Здесь автор расходится с мнением Ю.Х. Копелевич, которая подчёркивала «самобытность убеждений Петра» и отмечала отсутствие в источниках данных о том, что царь решил взять Парижскую академию за образец для создания аналогичного учреждения в России¹². В монографии С.А. Мезина нет указаний на то, что подобные источники найдены. Между тем, как показала Копелевич, подготовка к созданию академии в Санкт-Петербурге началась ещё до поездки царя в Париж. На плане Ж.Б.А. Леблон близ резиденции А.Д. Меншикова на Васильевском острове уже запроектировано здание «академии его величества для всяких кунстов и ремесленных людей»¹³.

Значительное внимание автор уделяет визитам государя в загородные резиденции французского короля (Медон, Фонтенбло, Версаль), регента (Сен-Клу) и придворных. Мезин отмечает, что под влиянием увиденного у царя изменилось представление о развитии собственной загородной резиденции в Стрельне (с. 159). Однако утверждение автора о том, что это испортило отношения царя с Леблоном не подтверждено фактами. Деятельность французского архитектора, создавшего первый в истории Санкт-Петербурга генеральный план, проектировавшего городские жилые дома, царские сады и резиденции в Санкт-Петербурге, Стрельне и Петергофе, имеет обширную историографию¹⁴. Историки и искусствоведы ищут причины, по которым его проекты были отвергнуты царём. Нередко цитируется анекдот Я. Штелина о том, что недовольный вырубкой деревьев в Петергофе Пётр I ударил архитектора дубиной, от чего тот заболел и умер. Взаимоотношения Леблона с государем и Меншиковым нуждаются в дальнейшем изучении.

В течение двухмесячного путешествия царь открывал для себя Францию, известную ему прежде только по книгам, географическим картам и гравюрам, знакомился с французским обществом и культурой (некоторые его меткие оценки сохранились на страницах писем Екатерине Алексеевне). В свою очередь французский двор и парижане составляли мнение о царе и его свите. Оно поначалу было весьма нелестным для русских знатных путешественников. Парижан удивляло то, что Пётр I вёл себя и одевался иначе, чем французская знать. Они судачили о пьянстве царя (с. 245). В городе распространились слухи о его скупости, что в целом не соответствовало действительности: все покупки оплачивались, а в конце своего пребывания во французской столице государь щедро одарил принимавших его французов (с. 243–244). С.А. Мезин (вслед за К. Валишевским) объяснил поведение царя тем, что тот прибыл в Париж инкогнито и старался вести себя как частное лицо; он не выносил любопытства толпы и избегал скопления народа (с. 243).

Одним из важных итогов визита царя на берега Сены стало начало разрушения сложившегося к началу XVIII в. образа «русского варвара». По наблюдению Мезина, «во Франции зародился живой интерес к Петру I и к России» (с. 257). В мемуарах и дневниках герцога д'Антена, маркиза Данжо, герцога Сен-Симона запечатлён образ обладавшего блестящим умом и вкусом к искусству государя, в первую очередь заботившегося о благе страны.

Блестяще проанализировав спорные проблемы историографии и восстановив хронологию поездки царя, автор не смог избежать неточностей в освещении «смежных» сюжетов, в том числе связанных с историей русско-французских отношений конца XVII — начала XVIII в. С.А. Мезин пишет, что посольство Я.Ф. Долгорукого и Я.Е. Мышечного, отправленное правительством царевны Софьи Алексеевны во Францию для объявления о заключении вечного мира с Польшей (1686) и поиска союзников в войне с османами, окончилось скандалом. Свою точку зрения он подкрепляет цитатой из письма некоего дипломата: русские послы «сему умному и политичному народу всякими видами дуростей своих досаждали» (с. 44). Подобного мнения о причинах провала посольства придерживался и Б.И. Куракин. Выдающийся дипломат писал: «Помянутой Долгорукой при дворе французском во всяком безчестии пребыл и худой естиме, понеже явно торговал соболями и протчими товарами»¹⁵. Между тем материалы статейного списка посольства Я.Ф. Долгорукого, Я.Е. Мышечного и дьяка К. Алексеева во Францию и Испанию (1687–1688) по-другому объясняют неудачу

дипломатической миссии¹⁶. Она напрямую связана с различиями русского посольского обычая и европейского дипломатического церемониала. Русские послы не желали «уронить честь своих государей» и отказывались принимать ответную грамоту французского правительства, в которой цари Пётр и Иоанн не были именованы великими государями. Впрочем, прошло всего лишь полтора десятилетия, и русские дипломаты в полной мере усвоили европейский посольский церемониал, стали привычно надевать французское платье для дипломатических приёмов не только при европейских дворах, но и в далёком Стамбуле. Петровские дипломаты «нового поколения» общались и вели переговоры на языке страны пребывания и мало отличались от западноевропейских коллег своим обликом, манерами и образованием.

Автор рецензируемой работы сообщил, что в 1711 г. Г.И. Волков прибыл в Париж «в ранге секретаря посольства» (с. 49). В начале XVIII в. Россия не имела постоянной дипломатической миссии во Франции. Ситуация изменилась после визита государя в Париж. В августе 1717 г. интересы царя при французском дворе стал представлять полномочный министр Г.Х. Шлейниц (до 1720 г.). Отправленный с дипломатическим поручением в Париж Г.И. Волков занимал должность секретаря в Посольском приказе.

Затронув тему французского присутствия в Немецкой слободе в Москве, С.А. Мезин несколько преувеличил французское влияние на обучение молодых аристократов в Петровскую эпоху. Вслед за А.И. Заозерским¹⁷ исследователь пишет, что князья Долгорукий, Куракин, Троекуров, Голицын, граф Головкин предпочитали французские школы и французских учителей для своих сыновей (с. 47). Однако в начале XVIII в. французских школ в Москве не существовало. По наблюдениям В.А. Ковригиной, выучить французский язык можно было или за границей, или с помощью домашнего учителя. П.А. Голицын пригласил из Парижа Ф.Ф. де Кулона. Француз Ф. Лемоан обучал младшего сына Б.А. Голицына, а затем А.Б. и С.Г. Долгоруких¹⁸. Нередко французскому языку дворян учил не француз, а поляк, итальянец или даже испанец.

Из утверждения автора о том, что к царевичу Алексею Петровичу был приставлен учитель немец, а к племянникам государя француз (с. 47), читатель получает превратное впечатление о вытеснении немецкого языка французским. Однако уверенно утверждать можно только то, что наряду с немецкими учителями к обучению и воспитанию молодых представителей царской семьи стали привлекать и французов. У племянниц царя был и учитель-немец, и учитель-француз. Последний обучал царевен

танцам и «началом» французского языка. Да и у дочерей Петра I были не только французские, но и немецкие учителя и воспитатели¹⁹. Время французского влияния на русское общество ещё не пришло. Гораздо заметнее оно стало в годы царствования Елизаветы Петровны и Екатерины II, но всё-таки начало идёт из Петровской эпохи.

С.А. Мезин представил вниманию читателя целостное и всестороннее исследование путешествия Петра I во Францию, органично включив его в контекст развития русско-французских отношений. Его монография — фундаментальный научный труд, который привлечёт внимание не только специалистов, но и всех, кто интересуется историей России Петровской эпохи.

Примечания

¹ Вагеманс Э. Пётр Великий в Бельгии. СПб., 2007; Вагеманс Э. Царь в Республике: Второе путешествие Петра Великого в Нидерланды (1716–1717). СПб., 2013.

² Горбатенко С.Б. Архитектурные маршруты Петра Великого. СПб., 2015.

³ Черкасов П.П. Двуглавый орёл и королевские лилии. Становление русско-французских отношений в XVIII в.: 1700–1775. М., 1995. С. 19.

⁴ Мезин С.А. Взгляд из Европы: французские авторы XVIII века о Петре I. Саратов, 1999; Изд. 2, испр. и доп. Саратов, 2003.

⁵ Журнал ежедневный пребывания в Париже государя императора Петра Алексеевича // Русский вестник. 1841. Т. 2. Кн. 5. С. 401–413.

⁶ Русский перевод хроники опубликован: Тимошук В. Пётр Великий в Париже в 1717 году // Русская старина. 1909. Т. 137. С. 379–386.

⁷ См., например: Всемирная история. В 6 т. Т. 4: Мир в XVIII веке. М., 2013. С. 34.

⁸ Княжецкая Е.А. Начало русско-французских научных связей // Французский ежегодник. 1972. М., 1974. С. 261.

⁹ Журнал ежедневный... С. 410.

¹⁰ См., например: Княжецкая Е.А. Начало русско-французских научных связей. С. 260–272.

¹¹ Постников А.В. Новые данные о российских картографических материалах первой половины XVIII века, вывезенных Ж.-Н. Делилем во Францию // Вопросы истории естествознания и техники. 2005. № 3. С. 19–21.

¹² Копелевич Ю.Х. Возникновение научных Академий: Середина XVII — середина XVIII в. Л., 1974. С. 181.

¹³ Базарова Т.А. Планы петровского Петербурга: Источниковедческое исследование. СПб., 2003. С. 113.

¹⁴ Калязина Н.В. Архитектор Леблон в России 1716–1719 гг. // От Средневековья к Новому времени. М., 1984. С. 94–123; Калязина Н.В., Калязин Е.А. Жан Леблон // Зодчие Санкт-Петербурга: XVIII век. СПб., 1997. С. 67–111; Medvedkova O. Jean-Baptiste Alexandre Le Blond, architecte 1679–1719 — De Paris à Saint-Petersbourg. Paris, 2007.

¹⁵ Куракин Б.И. Гистория о царе Петре Алексеевиче: 1682–1694 // Архив кн. Ф.А. Куракина. Кн. 1. СПб., 1890. С. 51.

¹⁶ Языков Д. Русское посольство во Францию и Испанию 1687 года // Библиотека для чтения. 1835. Т. 9. Отд. III. С. 45–82.

¹⁷ Заозерский А.И. Фельдмаршал Б.П. Шереметев. М., 1989. С. 197.

¹⁸ Ковригина В.А. Немецкая слобода Москвы и её жители в конце XVII — первой четверти XVIII в. М., 1998. С. 355, 360–361.

¹⁹ Там же. С. 359.

Виктор Державин

Рец. на: Т.Б. Арлов. История архипелага Шпицберген. М.: Paulsen, 2016. 592 с.

Viktor Derzhavin

(Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, Moscow)

Rec. ad op.: T.B. Arlov. Istoriia arkhipelaga Shpitsbergen. Moscow, 2016

В российской «полярной библиотеке» (комплекс книг по истории и освоению Арктики) до сих пор нет исследований, посвящённых прошлому архипелага Шпицберген. Отечественные авторы лишь затрагивали эту тему в ряде статей, опубликованных в научно-популярных журналах,

или в общих трудах по истории освоения Арктики¹. Поэтому рецензируемое издание — первая переведённая на русский язык книга по истории Шпицбергена норвежского исследователя Т.Б. Арлова² — является, безусловно, неординарным явлением в историографии Арктики.